

Немирович-Данченко Василий Иванович

Подневольные странники

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Подневольные странники: Том 2 / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 369 с.

ISBN 978-5-519-98985-5

Содержание: Деревенская Офелия; С дач; Наборщица; Встреча в степи; Птицы
небесныя; Иерей; Добрый самаритянин; В Сибирь!

ISBN 978-5-519-98985-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— А ты бы что увидать захотѣла? Поди, Ланпада тоже.

— Ну его. Ты знаешь, опрошлый годъ, мы съ тятенькой въ городу, у купца — у дядиньки нашего гостили. Садикъ у него... Вотъ бы во сняхъ-то повидать! Помню его. Цвѣтиковъ этихъ! Хорошо бывало, особливо ежели да утромъ. Свѣтло, запахъ по садику такой ли прелестный стелется. Ходишь да смотришь, на красу эту Божью любиешься.

— Только и повидать, что садикъ? лукаво спросила первая.

— А въ садикъ милаго, сокрушителя маво. Поди, забылъ совсѣмъ. Другая есть!..

— Я вотъ вечеръ милаго-то и видѣла. Будто это пришелъ ко мнѣ въ горенку, да и разговариваетъ... Таково-ли явственно, точно я сейчасъ съ тобою. Кудерки-то сбиты, бороденка тоже, а глаза такъ изъ-подъ соболевыхъ бровей и горятъ, такъ и горятъ.

— Ну и цѣловалась?

— А то какъ, извѣстно!..

— Это тебя кровь твоя... сомущаетъ.

— А хорошо!

— Чего лучше! мнѣ бы такой сонъ, я бы за милаго зубами ухватила, чтобъ не убежъ.

— А если это врагъ?

— Ладно, то пусть твой батюшка разбираетъ, на то онъ и попъ. Я смѣлая.

— А на духу спокаешься... Смотри, чижъ-отъ надрывается какъ. Онъ ужь тутъ давно такъ-то.

— Ахъ ты, еретикъ! Поди, словно смѣется надъ нами. Все поетъ.

— Поетъ, веселая птица.

— У дяденьки въ городу птицы этой—въ день не оглядишь. И соловьи-то курскіе, и дрозды, и синицы, и кинарейки, и перепела, и снigiри. Какъ затянуть бывало, что твой хороводъ.

— А вороны не было? Ворона лучше всѣхъ птицъ поетъ. У насъ примѣрно дьяконица Оіона такъ и каркаетъ.

— Ишь ты... осмѣяла. Ладно, погоди, уймешься. Ну прощай, седни тятенька въ городъ ѣдетъ. Нужно пойти да приглядѣть. Ты-бы хоть одѣлась, ишь нечесанная какая. И она смѣясь швырнула въ окно длинныя косы поповской дочери. Онѣ, словно змѣи, повисли на вѣткѣ березы у самой рамы. Испуганный чижъ взлетѣлъ высоко, высоко, но и оттуда доносился внизъ его громкій, словно обиженный и кому-то жалующійся, голосъ.

Дѣвушка осталась одна и задумалась.

Это была брюнетка лѣтъ шестнадцати. Глядя на нее—вы ничего не различали въ первое время кромѣ яркихъ черныхъ глазъ, да густыхъ толстыхъ косъ. Потомъ уже выдѣлялись свѣжія, алыя губы и небольшой, изящно очерченный, носикъ съ горбиной. Такія лица рѣдко встрѣчаются среди нашего духовенства; недаромъ всѣ

семинаристы, прїѣзжавшіе во время каникулъ сюда, только облизывались, вспоминая про поповскую дочку села Глухіе-концы. Ей особенно шло нѣсколько грустное, мечтательное выраженіе лица, которое можно было подмѣтить теперь, когда она заглядѣлась на широкую полосу дальняго озера, да на узенькую битъ выходившей изъ него рѣки.

Она не видѣла ихъ. Она не видѣла и пышныхъ молодыхъ березъ и бѣлыхъ кустовъ черемухи. Передъ ней рисовалась милая картина счастья, мелькнувшаго на одно мгновеніе. Все доселе спавшее въ груди, все позабытое воскресло и стало въ ея глазахъ со всѣмъ обаяніемъ молодой страсти. Чье-то лицо выдѣлялось передъ нею и вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рой звуковъ и образовъ порхнулъ въ это окно и словно пчелы закружился вокругъ ея головки. Далекая Москва, гулкій звонъ колоколовъ... Ароматъ ея любви... ароматъ ея перваго счастья. Она и сама не замѣчала, какъ слезы падали на ея разомъ поблѣднѣвшія щеки, какъ высоко подымалась ея грудь. Она слышала только какую-то широкую, расплывавшуюся цѣлымъ разливомъ счастья и мужества пѣсню. И эта пѣсня ей казалась воспоминаніемъ, словно черезъ тысячи верстъ она долетѣла сюда, мощная и радостная.

Вотъ пѣсня громче и громче звучить, все забираясь выше и выше, словно соколъ, взвивается

она плавными, широко описываемыми кругами. Вотъ она близко... близко...—и Маша очнулась.

Кто-то дѣйствительно пѣлъ эту пѣсню, знакомую, милую пѣсню, отъ которой вся кровь дѣвушки прихлынула къ сердцу. Она уже не понимала ничего. Она только слушала — и какъ слушала! Казалось, порвись пѣсня и порвется жизнь, задрожавъ какъ лопнувшая струна въ послѣднемъ тоскливомъ аккордѣ. А пѣсня еще и еще ближе... Вотъ она уже совсѣмъ рядомъ, какъ будто поющій идетъ за этими кустами. Дѣвушка оперлась о подоконникъ руками и выставилась въ окно. Вся ея жизнь перешла въ глаза. Она зорко, упорно, словно отъ этого зависѣло ея спасеніе, всматривалась въ непроницаемую занавѣсу листвы, перепутанныхъ сучьевъ, толстыхъ, корявыхъ стволовъ. Вотъ показался какой-то силуэтъ...

— Алексѣй Васильевичъ!... крикнула она, и тьма стала въ ея глазахъ, холодъ окуталъ ея сердце.

Молодой еще человѣкъ, въ охотничьемъ платьѣ, кивнулъ къ ея окну, взглянулъ на дѣвушку и остолбенѣлъ отъ изумленія...

— Маша... Маша!.. ты какъ здѣсь... Маша...

Она не отвѣчала. Глаза ея были закрыты.

— Значить, судьба! сжавъ зубы, проговорилъ онъ и, сорвавъ съ пальца обручальное кольцо, быстро спряталъ его въ карманъ.

— Маша, Маша! милая. Слышалось надъ нею гдѣ-то далеко, далеко, какъ-то глухо и смутно.

— Это я, слышишь ли ты, это я... Да открой же свои глазки...

— Алеша! звонко, радостно, отчаянно-радостно пронеслось въ воздухѣ, точно свѣтлый лучъ упалъ во тьму, и двѣ бѣлыя худенькія ручки обвили его шею.— Ты ли, ненаглядный мой!.. И глаза ея, съ выраженіемъ безконечной страсти, впились въ милыя черты.

И слышались чудные звуки счастья и радости, полные свѣта и ласки.

И посылала имъ шелестъ свой бѣлая черемуха, и сыпали ароматные лепестки свои на нихъ ея бѣлыя вѣнчики. И звонко пѣли птицы. И имъ казалось, что все это поетъ, цвѣтетъ и благоухаетъ не гдѣ-то тамъ, внѣ, а въ самыхъ сердцахъ ихъ, что радостно и медленно бьются въ двухъ молодыхъ грудяхъ. И очи смотрѣли въ очи, и видѣли въ нихъ все прошлое воскреснувшимъ и мощно проникавшимся кровью и жизнью.

Тотъ же назойливый мальчишка-чижъ снова колыхался на кончикѣ вѣтви и щелкалъ свою долгую задорную пѣсню и злился, что его не слышать эти счастливые люди.

II.

На погостѣ у отца Марьи, священника Глухихъ-концовъ, собралось въ этотъ день не мало

народа. Нѣсколько странницъ, тетка да молодыя дѣвушки, работавшія вмѣстѣ съ Марьей. Обѣдать сѣли всѣ вмѣстѣ. Несмотря на присутствіе бабки, сухой, сморщенной, злостной старухи, молодежь пересмѣивалась между собою. Старыя странницы молчаливо и много ѣли, неодобрительно поглядывая на молодых, свѣжія лица, отъ которыхъ такъ и вѣяло страстью, здоровьемъ и силой. Тутъ не было середины. Или беззаботный смѣхъ и звонкая шутка, или сухія губы и острый взглядъ ханжи. Трапеза была обильна и проста.

Сначала шла соленая сельдь, потомъ уха и каша. Большія миски наливались до краевъ. Каждый ѣлъ въ волю. Крупно наръзанные ломти хлѣба грудю возвышались по срединѣ стола, а въ окна этой большой горницы улыбаясь глядѣлъ ясный весенній день, голубое чистое небо и серебристо-лазурное, все сверкающее въ прихотливыхъ извилахъ, озеро.

— Настанетъ царство скверны! объясняла одна старая странница другой, сидѣвшей рядомъ. — Отъ сѣвера и юга придутъ Молохъ и Магогъ, отъ запада солнца — Ваалъ и Астарта — прелестница блуднаго бѣсовскаго зачатія, лѣпотою и сладкоглаголаніемъ безподобная, и соблазнятся праведные...

— Ой, матушка, мнози прегрѣшенія наши!..

— Ахъ, мати Магдалина, шепотомъ бесѣдовала другая...—Была она старушка Божья и въ Ерусалимъ-градѣ и цупъ земной видѣла, и идетъ

отъ пупа этого дыханіе сѣрное. Лѣствица Іаковля стоитъ тамъ вся адамантами изукрашена, а по ней-то—то вверхъ, то внизъ анделочки ежечасно такъ и ходятъ... Такъ и ходятъ анделочки, крылышки скламши... А только анделочки однимъ праведнымъ видны.

— Она-то видѣла ли? спросила попова сестра, старая дѣва, до сихъ поръ молчавшая.

— Не токмо узрѣть удостоилась, но и бесѣду сладкогласную вела. И такой-ли, говоритъ, отъ нихъ духъ райскій, словами описать того и невозможно. И всѣ анделочки въ вѣнцахъ и отъ вѣнцовъ златыхъ сіяніе исходитъ.

У дѣвушекъ и разговоры шли иные.

— Оіона, ты слышала?

— А что?

— Опять Серафимка-то съ чортомъ связалась... Вчера сама видѣла, какъ ейный-то въ окно къ ней лазилъ...— Ее грѣхъ, ее и отвѣтъ... А тебѣ небось завидно...

— У насъ, рассказывала бойкая блондинка, — дѣвоньки—что твоя малина алая, а парни—глянешь, такъ сердце и захолонетъ... краса.

— Въ Ярославской невраимѣръ лучше. Тамощніе парни по всей Россѣй извѣстны.

— Что говорить — первые воры!

Марья рассказывала подругѣ утреннюю встрѣчу, и обѣ предавались радостнымъ ожиданіямъ.

— Гдѣ-жь ты съ нимъ увстрѣлась?

— А какъ въ Москвѣ у дяденьки, чиновника,

гостила. Онъ къ намъ похаживалъ... Такой-ли красавецъ, весь свѣтъ изойди, другаго не найдешь.

— Не женится, поди...

— Я объ этомъ и не думала еще... Гдѣ жениться. Чего онъ только тутъ шатается...

— А городъ близко... Можетъ, изъ Москвы пріѣхалъ въ городъ... Такъ, на побывку.

— А то ко мнѣ?..

— Ну, дѣвонька, имъ аспидамъ тоже не больно вѣрь...

У Марьи глаза сіяли такимъ яркимъ блескомъ счастья и радости, что тетка не выдержала.

— Изжени духа зла... Ишь, онъ у тебя изъ очей такъ и прыщеть. Чего ты глядишь такъ. Смотри, онъ у тебя ужъ поди въ утробѣ сидитъ. Съ хвостомъ и рогами... Изжени бѣса-то... Вотъ отецъ пріѣдетъ, пожалуюсь.

Марья потупилась, чтобы скрыть улыбку, и ущипнула подъ столомъ Оеню. Та прыснула и заалѣла, что маковъ цвѣтъ. Къ счастью, тетка не замѣтила этого. Попъ былъ вдовый, и сестра у него заправляла всѣмъ хозяйствомъ...

Марья еще разъ ущипнула подругу. Благо шалость прошла незамѣченною.

— Ахъ, ты подлая! бранилась Оеня, едва сдерживая смѣхъ.

— Коли еще ко мнѣ придетъ, ты не мѣшай, Оеня...

— Чего мѣшать, я сама къ Ивану уйду. Онъ дожидать будетъ...

— Смотри, до свадьбы какъ согрѣшишь!..

— Скоро твой батька окрутитъ.. Ничего, те-
перечи все равно... Сказалъ, — у трехъ сосенъ.
Травка тамъ таково-ли мягкая, мѣсто сухое,
чистое... Холодно развѣ будетъ, да онъ согрѣетъ...
И обѣ онѣ прыснули прямо въ лицо недоумѣ-
вавшей теткѣ...

— Ну, и дѣвки ноне!.. Помянешь ты меня,
какъ отецъ пріѣдетъ...

— А пуцай...

— Да... слабъ-то братецъ очень... Я-бы тебя
возжами...

— Ладно еще...

— А ты поговори...

Подъ окнами послышался грохотъ подъѣзжав-
шей телеги. Мимо мелькнула пара сытенькихъ
кониковъ, толстый парень, болтавшійся на пе-
редкѣ, да грузно сидѣвшій въ телегѣ попъ въ
зеленой ряскѣ и широкополой, сплетенной изъ
соломы, шляпѣ... Скоро грохотъ послышался во
дворѣ дома, а спустя минуту, въ горницу вошелъ
самъ батюшка, одѣлая благословеніями разомъ
встрепенувшихся странницъ...

— Трапезуете?.. Похвально. Приступимъ и
мы... Умаялся!.. Федюхинскіе луга снялъ за
триста цѣлковыхъ... Какова только выручка
будетъ...

— Пошли тебѣ Господи! запѣли странницы.

— Да... Благочинный тоже на мельницу было покушался, но только Козьма Силыч перебилъ...

— Противъ отца духовнаго!.. каково-же.

— Что говорить... Жестоковыйный народъ. Отецъ Алексѣй сына дождался изъ Питера... Изъ академіи пріѣхалъ.

— Что-жъ онъ, въ попы, что-ли? заинтересовалась сестра.

— Куда... Надо полагать, годковъ черезъ пять викарнымъ будетъ... Тоже еще одинъ пріѣзжій есть... По сосѣдству. Сивые-Холмы купилъ у Чижовыхъ.

— Кто, кто?

— Юнецъ, изъ Москвы онъ. Марченкой прозывается. Видѣлъ я его сегодня... И усовъ еще не показалось, а отцу духовному и поклона не сдѣлалъ. Изъ новѣшнихъ должно быть...

Маша покраснѣла и толкнула Оению ногою. Дѣло шло о ея миломъ.

— Что-жъ, онъ женатый?.. спросила сестра.

— Не знаю, не знаю... Говорятъ тебѣ, въ первый разъ пріѣхалъ...

И батюшка основательно принялся за истребленіе яствъ и питій...

III.

Тихій, теплый вечеръ засталъ Машу далеко отъ ея дома. Она вмѣстѣ съ подругами бродила по лѣсу, собирая грибы. Дѣло затянулось на-